

ФИЛОСОФИЯ

УДК 930.85

Д.А. Аникин

ТРАНСФЕР ПРОШЛОГО: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

Автор анализирует специфику изучения современной культурной памяти через призму трансформации пространственной методологии. На смену метафорам региона и сети приходит метафора потока, которая позволяет сосредоточить внимание исследователей на непрерывных процессах конструирования прошлого в процессе взаимодействия различных сообществ. Рассматривается влияние миграционных потоков и культурных трансферов на механизмы трансформации культурной памяти в современном обществе. Делаются выводы относительно методологических оснований изучения культурной памяти и предлагаются сценарии влияния миграционных потоков на трансформацию представлений о прошлом.

Ключевые слова: культурная память; мемориальная культура; сетевое общество; потоки; социальная динамика; культурный трансфер.

Современная социальная теория стремится преодолеть издержки предшествующих подходов к анализу социальных явлений, прежде всего, отказаться от понятия «общество» в пользу более динамичных и подвижных категорий, способных отразить суть протекающих процессов. Из этого, однако, не следует неизбежный отказ от имеющихся способов анализа, скорее, подразумевается их корректировка в сторону сосредоточения внимания на тех аспектах социального, которые до этого момента не вписывались в исследовательскую оптику, превращались в «слепое пятно» теории.

Развитие массовых коммуникаций и интернет-сетей уже в 1990-е гг. сделало популярной модель «сетевого общества», сослужив тем самым не самую хорошую службу понятию «сеть». М. Кастельс обратил внимание на то, что исчезает единое пространство, свойственное индустриальному обществу, для которого существенной характеристикой была централизация производственного процесса, да и всей социальной жизни в целом [1. Р. 15–16]. Раскол пространства на отдельные точки сопровождается формированием сетевой метафоры социальной жизни, которая прекрасно коррелирует с пространственным восприятием социальных сетей, в которых каждый пользователь может мыслить себя отдельным узлом глобальной сети, обладающим значительной долей отделенности от других пользователей и автономности в выстраивании социальных связей. Вместе с тем подобная метафорика не позволяет решить целый ряд проблем восприятия и объяснения социальной реальности.

Как отмечает Д.В. Иванов, «...сеть – хорошее концептуальное решение для мира, в котором институты виртуализируются и участие в коммуникациях столь существенно. Но сетевой анализ дает лишь топологию социальных явлений, в которой ключевые элементы – узлы и связи, образуют картину сложившегося положения. Сеть дает модель пространственного распределения, статики, но не динамики социальных явлений» [2. С. 9]. Из ограниченности собственно сетевой модели проистекает потребность в поиске новых ме-

тафор, способных «схватить» неуловимую ткань социального хотя бы путем ее уподобления более привычным человеческому мышлению явлениям.

Определенный сдвиг в метафорическом описании общества можно видеть уже в начале XX в., непосредственно после того как Э. Дюркгейм провозгласил свою программу рассмотрения социальных явлений как фактов, что, казалось бы, полностью исключало «текучесть» в описании явлений или размытость их границ. Но уже М. Хальбвакс в попытке описания механизма коллективной памяти вынужден прибегать к ландшафтным метафорам, уподобляя «рамки памяти» тем естественным границам, которые позволяют задержаться воде во время отлива, формируя тем самым определенные границы воспоминаний [3. С. 14].

Д. Урри выделяет три пространственные метафоры, с помощью которых исследователи во второй половине XX в. попытались уловить специфику меняющейся социальной жизни и преодолеть гомогенность классической социальной теории [4. С. 50–51].

1. *Метафора региона.* Эта метафора была предложена еще А. Лефевром, и она позволяет описать социальное пространство как совокупность отдельных сегментов, отделяемых друг от друга естественными (как природными, так и социальными) границами и потому могущих быть описанными порознь [5. С. 54–55]. Понятие региона позволяет уйти от жесткой заданности социальных границ, поскольку предполагает различные критерии выделения и типологизации, но концентрирует внимание на самих границах, делает их выделение обязательным условием теоретизации какого-либо явления. Методологическая жесткость сменяется более мягкой исследовательской конструкцией, но не выходит за пределы, намеченные классической теорией.

2. *Метафора сети.* Она приобретает особую популярность в связи с возникновением концепции «сетевого общества» и предлагает переосмысление классических пространственных категорий, например категории «расстояние». В сетевой структуре расстояние между субъектами определяется не их физическим расположением относительно друг друга, а ско-

ростью передачи сигнала и количеством промежуточных взаимодействий, т.е. метафора сети позволяет уловить степень насыщенности пространства, выявить его гетерогенность, но имеет естественные ограничения в динамичности восприятия. Самый характерный пример из природного мира – паутина, которая позволяет увидеть целостность в кажущейся множественности, но сама работа паука оказывается опять за кадром исследовательской оптики.

3. *Метафора потока.* Впервые предложенная Д. Ло и А. Мол, эта метафора в большей степени отсылает не к природной реальности, а к внутренней среде человеческого организма [6. Р. 648]. В самом деле, кровь не занимает определенное место, а находится в непрерывном движении, этим и определяется ее основная функция в поддержании гомеостаза. Точно так же и любой поток фиксирует внимание исследователя не на точке, в которой он в данный момент находится, а на самой направленности и интенсивности движения. Метафора потока, таким образом, позволяет сфокусировать внимание на непрерывности происходящих изменений, зафиксировать их не как последовательность различных состояний, а поставить вопросы о направленности и пределах изменчивости.

Указанные тенденции стоит в полной мере отнести не только к пространственным, но и к временным характеристикам социального, которые отражаются в понятии «культурная память». За последние годы методология изучения культурной памяти сумела сделать важный шаг вперед, оставив за исторической наукой право выяснения соответствия памяти прошлого и сосредоточившись исключительно на самих мемориальных образах, а также способах их формирования и функционирования. Ключевую роль в этом процессе стоит отвести Дж. Олику и Т. Роббинсу, которые еще в 1998 г. провозгласили переход от изучения памяти как некой субстанциальной (пусть даже в социально-феноменологическом смысле) сущности к социальным практикам, порождающим потребность в конкретных формах прошлого [7. Р. 107]. Но подобный сдвиг исследовательской оптики не мог не привести к существенным изменениям в самой проблематике исследований.

На смену установлению соответствия между конкретными социальными и политическими институтами (в качестве которых, прежде всего, выступало национальное государство) и присущими им формами памяти, приходит стремление к отказу от институционализма в пользу описания и анализа конкретных практик, не замыкающихся в пределах жестких социальных структур, а зачастую раскалывающих их на отдельные мнемонические сообщества или же, наоборот, создающих культурные связи и перемишки между автономными образованиями. В данном контексте актуализируются понятия глобальной или космополитической памяти, точнее говоря, происходит их переосмысление уже в отрыве от классической теории глобализации [8. С. 95]. На смену утопическим идеям о формировании всеобъемлющей памяти глобального человечества, вмещающей в себя совокупность образов коллективного прошлого, отобра-

ных по принципу значимости для отдельных сообществ, образующих это самое человечество, приходит представление о радикальной селекции прошлого. Селективность глобальной памяти должна выражаться в пластичности и инструментальности коллективных воспоминаний, их готовность встраиваться в динамично меняющееся локальное сообщество. В этом смысле формирование глобальной памяти может пониматься не в содержательном, а в структурном ключе – как тотальное изменение привычных рамок обращения к истории, готовность к «текущему» восприятию не только настоящего, но и прошлого.

Потоковая природа современной культурной памяти напрямую связана с резким ускорением социальной мобильности, проявляющимся в самых различных формах – от рутинизации виртуальных взаимодействий в качестве формы социальных контактов (не только досуговых, но и рабочих) до пространственного перемещения индивидов по всей поверхности земного шара. Было бы наивным считать, что подобное ускорение обладает лишь положительными чертами, обеспечивая индивиду возможность выстраивания оптимальной конфигурации социальных связей в соответствии с собственными желаниями и приоритетами. В реальности включенность в сетевые потоки зачастую является вынужденным шагом, на который индивид решается лишь в силу изменившихся жизненных обстоятельств или, что не менее вероятно, потоковая реальность сама включает в себя индивида, вырывая его из привычной структуры сложившихся взаимодействий.

Для пояснения этой мысли достаточно представить себе жителя подмосковного населенного пункта, который, не покидая свое место жительства, за считанные годы оказался включен в совершенно иную, динамическую структуру социальной реальности. Разрушение привычной инфраструктуры, разумеется, сопровождается возникновением новых социальных потоков (прежде всего транспортных), которые, однако, формируют совершенно новое пространство взаимодействий. Это пространство подразумевает не только постоянное пересечение тех групп населения, которые до этого момента могли существовать в «параллельных реальностях», но также адаптацию к новым технологическим условиям и мировоззренческим вызовам, связанным еще и с тем обстоятельством, что в структуру социальных связей оказываются включены люди с различным культурным бэкграундом и мемориальной культурой. Речь идет о том, что наиболее наглядным проявлением социальной мобильности, определяемым градиентом уровня жизни будет усиление миграционных потоков, которые становятся неотъемлемым элементом современного социального пространства. При этом очень важно понимать, что само по себе понятие миграции скорее вводит в заблуждение, нежели позволяет зафиксировать определенные тенденции социальной динамики, поскольку обозначает сразу несколько социальных потоков, совпадающих по своей пространственной структуре, но принципиально различающихся по содержанию.

Во-первых, существенным фактором различия является сама причина миграции. Поэтому имеет

смысл отдельно говорить о политической, экономической или культурной миграции, поскольку, даже при совпадении конечных точек данных миграционных потоков поставить знак равенства между ними не получится, ибо каждый отдельный поток будет демонстрировать свою траекторию адаптации к новым условиям, а также существенную вариативность мемориальных практик. Во-вторых, следует учитывать и фактор темпоральности, а именно тот хронологический промежуток, который закладывается самими мигрантами на свое пребывание в иной точке социального и географического пространства. От этих координат, пусть даже достаточно условных, поскольку речь идет не о реальном промежутке времени, а об относительно рефлекслируемых намерениях, зависят готовность мигрантов к усвоению чужих социальных практик, а также возможность встраивания своей мемориальной культуры в чужеродный культурный контекст.

Исходя из двух указанных факторов, миграционные потоки представляют собой разнонаправленные и одновременные социальные практики, создающие различные наборы коллективных воспоминаний и способы их трансляции. Классическая трактовка культурной памяти, отражающая ориентацию воспоминаний на поддержание социальной идентичности определенного сообщества, в данной ситуации должна дополняться новыми методологическими подходами, учитывающими эффект конвергенции различных мемориальных практик и продуцирование потенциальных рисков как для миграционного сообщества, так и для целых сегментов социального пространства, учитывая полную взаимопроницаемость границ в мобильном мире.

Однако применение потоковой метафоры для описания социальной реальности ставит целый ряд методологических вопросов, связанных с возможностью классификации потоков или выделения их отличительных признаков. Д.В. Иванов считает, что основным свойством потока является способность преодолевать традиционные границы, а основными его характеристиками – направленность, плотность и интенсивность [2. С. 10].

Направленность потока определяется социальным градиентом, т.е. неравновесностью самой социальной структуры, которая создает своеобразный «уклон», направляющий потоки в определенные точки. Например, градиентом миграционных потоков является высокий уровень жизни (в случае экономической миграции) или статус образовательных учреждений (в случае образовательной миграции). Разумеется, градиент не остается постоянным, а подвергается постоянной трансформации, в силу этого и миграционные потоки могут менять вектор своей направленности в соответствии с изменением условий.

Плотность потока определяется количеством вещей, людей и сообщений, которые включаются в данный процесс, причем в мобильном обществе социальный статус перестает быть фиксированным, а превращается в относительную величину, определяемую количеством устанавливаемых связей и социальных

контактов. В этом смысле плотность миграционных потоков определяется количеством людей, которые готовы поменять свое местоположение в географическом пространстве, но, кроме этого, можно говорить и о культурной плотности потока, т.е. количества культурных смыслов (включая и исторические образы), которые пересекают границы различных сообществ и могут быть зафиксированы в наличии определенных практик. Например, насколько мигранты продолжают в инокультурной среде придерживаться традиционных праздников, привычных действий в повседневном существовании, как происходит внутреннее расслоение миграционного сообщества в соответствии с уровнем передачи смыслов внутри него.

Комплексный критерий *интенсивность потока* совмещает два предшествующих показателя, определяя количество вещей, людей и сообщений, которые пересекают границы за определенный промежуток времени. Использование критерия интенсивности позволяет определить не только существование определенных потоков, но и выявить их значение для трансформации культурных практик, создания новых форм культурного взаимодействия или возникновения конфликтов.

Совмещение указанных критериев позволяет отказаться от рудиментарных форм классического пространственного дискурса (например, от различия внутренней и внешней миграции) и перейти к новому категориальному ряду, описывающему социальные потоки лишь с точки зрения их структурных параметров. Сочетание параметров позволяет сформулировать ряд возможных моделей миграционных потоков в современном мире.

1. Слабый градиент – низкая плотность. Такая модель описывает уровень миграций, который в большей степени определяется не социальными, а личными предпочтениями индивидов. Разумеется, на количественном уровне подобные миграции могут быть отражены, но степень их влияния на трансформацию мемориальных практик крайне низка, поскольку речь не идет об изменении пространственных характеристик какого-либо сообщества.

2. Сильный градиент – низкая плотность. Эта модель описывает ситуацию, при которой увеличению плотности миграционных потоков препятствуют политико-правовые факторы, т.е. государство закрывает свои границы для мигрантов по различным основаниям, несмотря на привлекательность в качестве вектора миграционного движения. Это приводит к высокому уровню селекции мигрантов, в силу чего отсутствуют полноценные сообщества, которые могут претендовать на сохранение и выстраивание собственных мемориальных практик. «Принимающая культура» остается основой образов прошлого, что, однако, не препятствует встраиванию в нее отдельных культурных коммемораций, соответствующих общим рамкам коллективной памяти.

3. Слабый градиент – высокая плотность. При такой модели интенсивные миграционные потоки оказываются перенаправлены в сторону локаций со слабым градиентом (например, несущественно отличающихся по своим экономическим или социальным

показателям), что возможно в ситуации, когда более выгодные направления миграционных потоков открыты в силу политических или географических ограничений. Как ни покажется странным на первый взгляд, но именно такая модель миграционных потоков демонстрирует высокий уровень потенциальной рискогенности, поскольку слабость градиента означает стремление к сохранению контактов с исконной точкой миграции. Это отражается на уменьшении адаптивности миграционного сообщества, которое предпочитает сохранять собственную коллективную идентичность и воспроизводить максимально в неизменном виде мемориальные практики. Это обстоятельство имеет два интересных последствия. Во-первых, отсутствие или слабая выраженность интегративных интенций при близости социально-экономического уровня существования вызывает всплеск негативных эмоций у коренного населения. Во-вторых, стремление к сохранению тех мемориальных практик, которые были восприняты мигрантами в сам момент перемещения, становится мощным фактором консервации данных практик, сохраняющих в диахронической перспективе достаточно архаичные черты (например, сохранение многих аспектов культуры XVIII в., исчезнувших в исходном немецком обществе, в сообществе немцев Поволжья).

4. Сильный градиент – высокая плотность. Данная модель выглядит самой логичной, поскольку объяснением большого количества совершаемых перемещений является существенное различие в уровне экономического благосостояния или предоставляемых политических возможностях. Казалось бы, при такой ситуации не избежать возникновения многочисленных миграционных сообществ, способных не только воспроизводить, но и транслировать собственные мемориальные практики в социальном пространстве. Но здесь существенным оказывается фактор времени. Дело в том, что в случае сохранения сильного градиента (более высокий уровень жизни, делающий невыгодным возвращение назад, либо приоритетный набор политических ценностей, невозможный в обозримом будущем в исходной точке миграционного потока) происходит размывание коллективной идентичности, и миграционный поток распадается на отдельные локальные сообщества, вырабатывающие собственные стратегии встраивания в отдельные локации социального пространства. В случае же ослабления градиента значительная часть мигрантов может образовать обратно направленный поток, который уменьшит степень конфронтации между различными мемориальными практиками.

Основным фактором, влияющим на формирование мемориальной культуры, является готовность людей к совместному существованию, поэтому конструирование конкретных практик оказывается возможным лишь при условии обоюдной готовности как принимающей стороны, так и мигрантов к формулированию определенных правил игры, что требует отказа от определенных презумпций. От мигрантов требуется заинтересованность в самом факте интеграции в конкретное сообщество, формирование определенного «горизонта ожиданий», что невозможно без встраи-

вания социально-экономических и демографических перспектив и способов реализации. От местного населения требуется готовность к интеграции мигрантов, что также подразумевает осознание прагматичности совместного будущего и психологической комфортности. И от обеих сторон требуется осознание процессуальности взаимодействия, т.е. понимание данного контакта не как исключительной ситуации, а как отдельного звена в непрерывной цепочке взаимодействий с динамично меняющимися социальными ролями. В мобильном мире единственно верной мировоззренческой установкой является отказ от четкой социальной и пространственной локализации в пользу понимания динамичности и «текучести» собственного существования.

Современное общество становится обществом мигрантов не только в том смысле, что оно состоит из людей, потенциально готовых по самым различным причинам поменять место своего пребывания, но также и потому, что любая географическая точка может стать узлом пересечения миграционных потоков. В подобной ситуации исчезает смысл попыток фиксации относительно стабильной культурной памяти, закрепленной за определенной социальной группой, а также становится методологически нелепым, хотя и по-человечески понятным высказываемое П. Нора сожаление об исчезновении памяти французского крестьянства [9. С. 21–22]. Более продуктивным является рассмотрение отдельных социальных практик обращения к прошлому, но не в качестве автономных способов коллективной самоидентификации, а как сложной совокупности взаимовлияющих друг на друга потоков воспроизводства / конструирования воспоминаний, где каждый образ прошлого не в состоянии сохранить свою аутентичность, а обречен отражаться во множестве социальных зеркал, так же как множатся отражения главного героя в конце фильма О. Уэллса «Гражданин Кейн».

В подобных условиях особенно актуальным становится понятие культурного трансфера как процесса сочетания различных культурных и мемориальных практик. М. Эспань указывает, что данное понятие, первоначально разработанное в рамках теории литературы, указывает «на существование такой модели общества, где идентичность и различие не только не противоречат друг другу, но находятся в состоянии постоянного дополнения» [10. С. 44]. Культурный трансфер – это не просто помещение какого-либо исторического образа в инокультурный контекст, а это процесс обмена смыслами и, одновременно, становления и распада цепочки локальных идентичностей, что может быть рассмотрено на примере пограничных регионов.

В модернистском европейском обществе говорить о культурном трансфере можно было в двух смыслах – пространственном и социальном. В пространственном смысле культурный трансфер имел место в условиях государственного и социокультурного фронта, в тех регионах, где происходил постоянный контакт между представителями различных наций (например, Эльзас и Лотарингия как зона культурного трансфера между Германией и Францией).

В социальном смысле реализация культурного трансфера становилась уделом узкой прослойки интеллектуальной / аристократической элиты, выстраивавшей собственную идентичность в непрерывном диалоге с другими культурными элитами, но параллельно и создававшей само пространство этого диалога, механизмы перевода смыслов из одного культурного наречия в другие. Иллюстрацией этого процесса является усвоение французской культуры российской аристократией XVIII в., проявившееся не только в прямом копировании, но и в переносе моделей поведения на русскую почву, создании гибридных форм культурной идентичности.

В условиях тотальной мобильности обращение к понятию культурного трансфера позволяет говорить о том, что столкновение разнонаправленных миграционных потоков делает насущной необходимостью разработку механизмов обмена культурными смыслами, перевод одной культуры на другие языки. В отличие от предшествующей эпохи все социальное пространство оказывается пронизано культурными трансферами – этническими, социальными, мировоззренческими, но сам факт подобных контактов еще не делает их в должной мере эффективными. Трансферы способны помочь в обретении исторической идентичности даже в том случае, если она, казалось бы, безвозвратно утрачена. М. Эспань демонстрирует это на примере греческой идентичности, которая в большей степени оказалась наследницей повторной «эллинизации» в XIX в., нежели смогла действительно сохранить античные корни своей цивилизации [10. С. 700–701]. Поэтому ресемантизация культурных образов, прежде всего, образов прошлого, создание таких культурных рамок, которые могли бы вместить культурную память тех сообществ, которые сталкиваются друг с другом в процессе миграционных перемещений, – этот процесс приобретает зачастую стихийные черты, но сам факт его актуализации свидетельствует о потребности различных сообществ к налаживанию контактов друг с другом. Но предельно широкое понятие культурного трансфера указывает лишь на общие контуры протекающих процессов, в то время как в реальности имеет место конкуренция различных моделей межкультурного взаимодействия, напрямую связанных с социальными, экономическими и даже демографическими контекстами.

Следует обозначить основные характеристики исследования культурной памяти в условиях социальной мобильности и активизации миграционных потоков.

Необходимо отказаться от презумпции единой теоретической модели, способной описать нелинейную и динамичную картину трансформации мемориальных представлений в современном мире. Изменяющаяся социальная реальность диктует определенные требования и к трансформации социального знания, которое становится, если можно так выразиться, сценарным. Иначе говоря, оно соответствует принципу «локальной критики», поскольку в условиях пересекающихся потоков исчезает непроходимая дистанция между теоретиком-наблюдателем и теми мемори-

альными процессами, которые он пытается анализировать [11. С. 323].

Из этого вытекают два вывода относительно позиции исследователя. Во-первых, он лишается символической прерогативы на обладание (и, соответственно, изречение) абсолютной истины, превращаясь в участника диалога наравне с другими социальными и политическими акторами. Прошлое, что, впрочем, уже неоднократно было подмечено исследователями, перестает быть предметом исключительно исторической науки, да и науки вообще – оно становится общественным достоянием, а это значит, что к механизмам его формирования применимы те же закономерности, что описывают и публичное пространство. Во-вторых, исследователь – это не только аналитик, но и игрок в мемориальном пространстве, поскольку каждое его высказывание оставляет медиа-след, следовательно, в любой момент конкретная интерпретация прошлого или оценка может стать предметом общественной дискуссии. Разрушение «башни из слоновой кости» открывает перед учеными новые перспективы, но одновременно лишает их даже относительной беспристрастности, они отныне включены в процесс не обсуждения, но постоянного собирания прошлого из разрозненных элементов.

Образы прошлого превращаются в важный элемент культурного трансфера, что заставляет отказаться от презумпции наличия единственного прошлого. В условиях тотальной мобильности прошлое становится множественным не только потому, что существует открытый доступ к бесчисленному количеству его интерпретаций, но еще и потому, что социальная мобильность означает готовность к постоянному переключению «режимов историчности». Обосновывая применение этого понятия, Ф. Артог пишет: «Историческое время, если следовать Рейнхарду Козеллеку, производится дистанцией, которая создается между областью опыта, с одной стороны, и горизонтами ожиданий, с другой стороны; оно производится напряжением, существующим между ними» [12]. Таким образом, режим историчности означает специфический способ сочленения наших ожиданий с доступным нам пространством исторического опыта, из чего следует одна важная социальная закономерность. В пространстве тотальной мобильности режим историчности превращается из совокупности относительно автономных модусов в перманентный способ существования сообщества. Это превращение определяется сугубо социальными причинами, а именно постоянной трансформацией границ определенного сообщества, с которым отождествляет себя человек, что ведет к изменению горизонта ожиданий, а также периодическим расширением и сужением пространства доступного опыта за счет изменения состава данного сообщества. Поэтому режим историчности описывает повседневную реальность мемориальной культуры мобильного мира, формируя пластичные символические основания, заменяющие собой жесткие структурные границы.

Но сам по себе этот режим не возникает в результате планомерной теоретизации, а вырабатывается в условиях постоянных культурных трансферов, скла-

дывается в результате естественной селекции различных моделей ресемантизации прошлого, поэтому анализ подобных моделей, выявление перспектив и рисков их использования в социальной практике становятся насущной задачей современного социального исследования. Задачей не только теоретической, хотя выявление закономерностей осуществления культур-

ного трансфера в мобильном обществе является важным элементом создания общей картины социальной динамики, но и прикладной, поскольку от эффективности выработанных моделей зависит сосуществование различных культурных сообществ в мире, где будущее и прошлое становятся подвижными координатами человеческого существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Castells M. *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, Edward Edgar, 2004. 384 p.
2. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 312 с.
4. Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М. : Издательский дом высшей школы экономики, 2012. 348 с.
5. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 53–68.
6. Mol A., Law J. Regions, networks and fluids: amaemia and social topology // *Social Studies of Science*. 1994. № 24. P. 641–671.
7. Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. № 24. P. 105–140.
8. Завадский А. «Память на стероидах»: memory studies и новая экология научной жизни // Новое литературное обозрение. 2019. № 2. С. 95–101.
9. Нора П. Между памятью и историей, проблематика мест // Франция-Память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
10. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 820 с.
11. Кобылин И. Перестройка и гласность: Бруно Латур и судьба гуманитарных наук в эпоху антропоцена (рец. на: *New Literary History*. 2016. Vol. 47, № 2/3) // НЛЮ. 2017. № 5 (147). С. 322–331.
12. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности. URL: <https://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/> (дата обращения: 15.04.2019).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 6 мая 2019 г.

Transfer of the Past: Cultural Memory in the Conditions of Migration Flows

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 452, : 66–72.

DOI: 10.17223/15617793/452/7

Daniil A. Anikin, Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

Keywords: cultural memory; memorial culture; network society; flows; social dynamics; cultural transfer.

The article aims to analyze modern cultural memory in the conditions of increased migration flows. The methodological basis of the research is a spatial approach with three main models of modern society analysis: regional, network, and flow. The regional model assumes refusal from the political segmentation of the social space and allocation of various criteria of differentiation of communities and meanings they broadcast. The network model focuses attention on interrelations of segments and their inclusiveness in the general logic of social space transformation. The flow model allows refusing from the static in the description of social phenomena and considering them as continuous processes overcoming the established borders and changing not only the structures of social space, but also the picture of society's historical representations. The use of flow metaphors forces to elaborate new criteria of social phenomena conceptualization and classification. The characteristics of flow orientation, density, and intensity are proposed as the main criteria of migration flow analysis. The combination of the criteria allows selecting four scenarios of migration flows and determining their influence on cultural memory dynamics. The concept of cultural transfer designates transfers of meanings between various communities. Cultural transfer is not a simple translation as it assumes inclusion of images of the past in the semiotic system of another community, adaptation of meanings to the developed memorial practices. At the same time, the situation of cultural transfer ceases to belong only to certain regions where various cultures collide. In the modern mobile world, migration flows permeate political and cultural borders, which makes cultural transfer an element of everyday life of any spatial community. Exchange of meanings acquires special relevance in the conditions of megalopolises, and inclusiveness in this exchange gradually stops being the result of an individual's conscious choice and turns into an objective condition of its successful functioning in the social space. Images of the past submit to the general logic of semiotic exchange, leading to transformation of existing memorial practices and to formation of hybrid forms of memory. In the article, conclusions on the methodological basis of cultural memory studies are drawn, and scenarios of migration flow influence on the transformation of ideas of the past are proposed.

REFERENCES

1. Castells, M. (2004) *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, Edward Edgar.
2. Ivanov, D.V. (2012) К теории потokovykh struktur [On the Theory of Flow Structures]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 8–16.
3. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
4. Urry, J. (2012) *Sotsiologiya za predelami obshchestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century]. Translated from English. Moscow: Izdatel'skiy dom vysshey shkoly ekonomiki.
5. Lefebvre, H. (2010) *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Space]. Translated from French by A. Lazarev. *Neprikosnovennyy zapas*. 2. pp. 53–68.
6. Mol, A. & Law, J. (1994) Regions, networks and fluids: amaemia and social topology. *Social Studies of Science*. 24. pp. 641–671.
7. Olick, J. & Robbins, J. (1998) Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. 24. pp. 105–140.
8. Zavadskiy, A. (2019) “Pamyat’ na steroidakh”: memory studies i novaya ekologiya nauchnoy zhizni [“Memory on Steroids”: Memory Studies and the New Ecology of Scientific Life]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 2. pp. 95–101.
9. Nora, P. (1999) *Mezhdru pamyat'yu i istoriey, problematika mest* [Between Memory and History, the Problems of Places]. In: Nora, P. (ed.) *Frantsiya-Pamyat'* [Realms of Memory: Rethinking the French Past]. Translated from French by D. Khapaeva. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 17–50.

10. Espagne, M. (2018) *Istoriya tsivilizatsiy kak kul'turnyy transfer* [History of Civilizations as a Cultural Transfer]. Translated from French. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Kobylin, I. (2017) Perestroyka i glasnost': Bruno Latur i sud'ba gumanitarnykh nauk v epokhu antropotsena (rets. na: New Literary History. 2016. Vol. 47, № 2/3) [Perestroika and Glasnost: Bruno Latour and the Fate of the Humanities in the Anthropocene Era (Review: New Literary History. (2016) 47 (2/3))]. *NLO – New Literary Observer*. 5 (147). pp. 322–331.
12. Hartog, F. (2008) *Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti* [The Order of Time, Historical Modes]. Translated from French by A. Belyak. [Online] Available from: <https://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/>. (Accessed: 15.04.2019).

Received: 06 May 2019